

УДК 811.111

В.И. Рахуба**СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ОТАДЪЕКТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ**

В статье рассматривается один из подклассов существительных – предикатные имена. В структуре языка они образуются как синтаксические дериваты, которые в своей первичной функции характеризуются номинативным значением, тождественным соответствующему значению прилагательного. Будучи употребленным в особых контекстуальных условиях синтаксический дериват уподобляется лексическому деривату. Такое усложнение семантики производного приводит к формированию полисемантической единицы.

Любой естественный язык находится в состоянии непрерывного развития, которое затрагивает не только его морфологическую и синтаксическую структуру, но и процесс создания новых лексических единиц. Суть происходящих в языке словообразовательных процессов проявляется в том, что «структура каждого некорневого, а также многих в настоящее время корневых слов представляет итог процесса образования этих слов» [9, с. 4]. Производство новых лексических единиц происходит по определенным словообразовательным моделям, которые исторически сложились в данном языке и которые приводят к созданию «новых наименований, новых вторичных единиц обозначения» [7, с. 356], что, впрочем, не подразумевает, что новые слова образуются лишь путем чисто механического соединения морфем. Словообразовательные отношения охватывают формальные и семантические изменения, поэтому словообразовательный анализ включает как рассмотрение морфологической структуры производных слов, так и семантических отношений, которые складываются между исходными и производными словами, позволяет обнаружить производность конструкции и ее отождествление, т. е. установить отношения словообразовательной производности, а также проявление и характер этих отношений. Наряду с междусловными отношениями (производного к производящему) существуют и внутрисловные отношения (отношения или связи между отдельными частями словообразовательной конструкции).

Поскольку отношения формальной производности сопровождаются лексическими и категориально-лексическими изменениями в результативной единице по сравнению с единицей исходной, то отношения деривации словообразовательного характера предполагают мотивированность одного образования другим. Е.С. Кубрякова замечает, что «обязательными признаками деривационных отношений являются производность по форме и мотивированность по содержанию» [6, с. 78]. Производное слово всегда мотивировано и по этой причине соотносится с одним из значений исходного слова. Если случается так, что в семантической структуре производного есть значение, которого нет у исходного слова, то это означает, что производное слово развило его самостоятельно (за счет процессов метафоризации, метонимии). В каждом производном знаке обнаруживается словообразовательное значение, которое привносится словообразовательным элементом, а наличие деривационных связей дает возможность объяснить производное через исходное и описать его реальный смысл. Процессы словообразования всегда сопровождаются сложными семантическими преобразованиями, которые возникают между исходной и производной единицами, а также внутри производного слова между его элементами (основой и аффиксом).

Ввиду того, что содержательная сторона знака менее изучена по сравнению с его формальными аспектами, то вполне естественно, что современные исследователи проявляют интерес к комплексу проблем, которые непосредственно связаны с семантикой

слова, ведь, например, вопросы развития значения слова, синонимия, антонимия, полисемия и др. опираются именно на семантические свойства знака. Этот интерес объясняется и тем, что слово вмещает в себя целый ряд значений (оно обобщает, дает наименование, обозначает, сообщает, выражает определенное отношение, чувство, переживания е говорящего и слушающего) и, следовательно, семантика является ведущим критерием в решении многих проблем, связанных с изучением сущности языка. Характер словообразовательных процессов определяется отношениями между исходными и производными словами, производящими основами и аффиксами, а выделение семантических классов слов помогает понять, почему аффиксы имеют свою сферу действия, позволяет увидеть закономерности (не)возможности сочетания компонентов производного слова. Правила словообразования показывают, что они «непосредственно связаны с существующими в это время структурными типами и разновидностями слов, то есть с тем, как «сделаны» (членятся) готовые слова» [11, с. 25]. «Ни один язык не был бы в состоянии выразить каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [2, с. 18].

В статье рассматривается один из главных типов семантической неоднозначности – полисемия, т. е. наличие у слова нескольких взаимосвязанных значений, характеризующих общностью одного или нескольких семантических компонентов. В связи с тем, что в лингвистике термин «полисемия» используется для обозначения различных видов неоднозначности, в данной работе «многозначным, или полисемантическим, может считаться слово, имеющее на определенном синхронном срезе развития языка несколько планов содержания при одной форме их выражения» [8, с. 16]. В динамическом аспекте полисемия представляет собой результат семантических изменений, когда имеет место возникновение одного значения «на базе другого по определенным моделям семантической деривации и связано с последним отношениями производности» [10, с. 49].

Объектом анализа являются субстантивы – абстрактные суффиксальные существительные, производные от имен прилагательных со значением «активная способность» семантического подкласса прилагательных, обозначающих «собственный признак». Эти прилагательные входят в первые шесть тысяч наиболее частотных английских слов, зафиксированных в частотном словаре английского языка, и формируют отдельную ЛСГ (рассматриваемую как лексико-семантическая парадигма) на основе признака инвариантности и способности существовать только как совокупность единиц одной и той же части речи [1]. Эта ЛСГ представлена 151 единицей. Эти единицы исследовались в отношении их (не)способности служить производящими базами для образования предикатных имен, семантическая структура которых затем проверялась по нескольким лексикографическим источникам [12; 13; 14; 15].

Из всей выборки только 55 прилагательных способны служить базой для образования абстрактных существительных (по данным словаря под ред. В.К. Мюллера). Транспонирование анализируемых прилагательных осуществляется при помощи суффиксов *-ity* (34), *-ness* (16), *-ce/cy* (5). Морфема *-ness* выражает значение свойства, качества, состояния или признака, отвлеченного от предмета, и присоединяется к производным основам на *-y, ful, -ous, --ive, -ed, -ish, -ward, -less, -ary/-ory, -ant, -worthy* и адъективированным причастиям. Прилагательные, сочетающиеся с суффиксом *-ness*, характеризуют предмет с точки зрения его качества, признака, свойства, состояния, т. е. производящие основы прилагательных обозначают признак, качество, свойство, состояние, присущие одушевленному и неодушевленному предметам. Хотя суффикс *-ness* абсолютно продуктивный в современном английском языке, он не сочетается с основами про-

изводных прилагательных на *-ate*, *-ant*, *-ent* (от них образуются абстрактные существительные с суффиксами *-ancy*, *-ency*, *-acy*), не присоединяется к основам производных прилагательных с аффиксами *-al*, *-ial*, *-an*, *-ian*, *-ar*, *-able* (от них образуются абстрактные существительные с помощью суффа. *-ity*), но характеризуется широкой сочетаемостью с прилагательными на *-ful* (образованными от отвлеченных существительных).

Аффикс *-ity* присоединяется к основам на *-able*, *-ible* (образованным преимущественно от многосложных прилагательных, заимствованных из романских языков), выражая значение состояния, качества, условия, признака. Такие прилагательные объединяются в семантические классы: а) с пассивным значением «пригодный, способный или склонный к чему-либо» (*-able*, *-ible*); б) «относящийся или принадлежащий чему-либо, обладающий свойством или качеством, характеризуемый чем-либо» (*-ed*); в) «полный чего-либо, изобилующий чем-либо, относящийся к чему-либо» (*-ose*, *-ous*); г) «принадлежащий чему-либо, обладающий чем-либо, имеющий характер чего-либо» (*-al/-ical*); д) «относящийся к, принадлежащий чему-либо, имеющий природу, качество, сходство, характер ч-л, действующий под влиянием ч-л» (*-ic*, *-ar*, *-ary*, *-or*, *-ive*); е) «имеющий признак, сходство ч-л, связанный с чем-либо, соответствующий чему-либо» (*-il*, *-ite*, *-in*, *-ine*).

Транспонирующие аффиксы *-ness*, *-ity*, *-ce/-cy* моделируют отвлеченные существительные и придают субстантивату абстрактное значение признака, качества, состояния, качества, на которое указывает производящая основа. Выборка дает примеры того, что отдельные адъективные основы способны сочетаться с несколькими аффиксами, а существительные на *-ness* и *-ity* с одной и той же производящей основой являются синонимами (ср. *sensitivity*, *sensitiveness* [12]; *desirability*, *desirableness*; *inevitability*, *inevitableness*; *productiveness*, *productivity*; *serviceableness*, *serviceability* [13]; *effectivity*, *effectiveness*; *likeliness*, *likelihood* [14]).

Сопоставление семантических структур исходных и производных единиц показывает, что количество ЛСВ в адъективных единицах и соответствующих существительных может находиться в отношениях соответствия (ср. *beastly*, *difficult*, *evident*, *likely*, *sensible*), количество значений в прилагательном превышает набор значений в производном существительном (ср. *easy*, *foul*, *harsh*, *productive*), количество значений производного превышает количество значений исходной единицы (ср. *influential*, *resistant*).

Хотя используемые лексикографические источники [12; 13; 14; 15] различаются своим форматом и способом подачи (представления) слов, обращают на себя внимание случаи фиксации одного и того же слова в разных словарях, когда, например, не отмечается наличие субстантивов в таком представительном издании, каким является Новый Большой англо-русский словарь, и, наоборот, фиксируются соответствующие единицы в словаре под ред. В.К. Мюллера и в Оксфордском словаре (ср. *barren*, *pleasant*, *unable*).

Сопоставление исходных адъективов и соответствующих абстрактных существительных позволяет заметить, что, во-первых, одни прилагательные могут иметь дериваты, а у других они отсутствуют, а во-вторых, исходное прилагательное и соотносимый с ним субстантив могут различаться количеством ЛСВ. Представленные в выборке единицы по данным Нового Большого англо-русского словаря (НБАРС) включают 40 моносемантических прилагательных, 50 единиц имеют по 2 ЛСВ, три и четыре значения отмечены у 20 прилагательных соответственно, максимальное количество значений зафиксировано у прилагательных *barren* (6), *effective* (7), *plain* (8), *productive* (8), *foul* (10), *easy* (11), *tough* (12).

Повторное использование уже существующего имени (с закрепленным за ним значением) продиктовано историческими, социальными, экономическими, технологическими и др. изменениями в жизни людей, социальными факторами, психологическими причинами, т. е. постоянно развивающейся окружающей нас действительностью, которые и вызывают к жизни появление новых наименований. Многозначность лин-

гвистической единицы обусловливается как экстралингвистическими, так и лингвистическими (эллипсис словосочетания, дифференциация синонимов, семантическая аналогия) причинами. Хотя действие внутрилингвистических причин не столь очевидно, как влияние экстралингвистических факторов, приводящих к появлению многозначности, оно в силу своей малоизученности требует подробного рассмотрения. Представляется, что использование имени какого-либо явления для обозначения какого-то другого имени происходит не хаотично, а следует определенным закономерностям – законам ассоциативных связей, которые определяют характер семантических изменений слова в ходе его развития, а также типы значений в семантической структуре полисемантического слова.

Ассоциативные связи, обнаруживаемы между значениями многозначного слова, являются «отражением наших понятий и представлений о взаимодействии фактов и явлений предметного мира» [10, с. 51]. В наиболее устойчивых типах связи аккумулируется социальный опыт языкового коллектива и (или) передаются вторичные значения слов, в которых обнаруживается детерминируемая нашим сознанием реальная или вымышленная связь и общность явлений окружающего нас мира. В основе таких ассоциативных связей лежит смежность явлений, общность признаков, что ведет к различению метафорических и метонимических переносов значения.

Метонимия как тип семантических изменений предполагает перенос имени предмета (явления) на другой предмет (явление) на основе установления реальных (или воображаемых) связей между соответствующими предметами (явлениями). Устанавливаемые регулярные устойчивые ассоциации позволяют установить определенные модели метонимических переносов (напр., свойство – субъект свойства: beauty – 1) красота, 2) красавица). Своеобразие проявления метонимии проявляется не в ее основаниях и процессуальном аспекте, ибо они универсальны вследствие универсальности законов человеческого мышления, а именно в том, что избирается в качестве отправной точки (исходного момента) для наименования по смежности, что, в свою очередь, обусловлено особенностями системы номинативных знаков отдельного языка. Это своеобразие может проявиться в выборе типа связи (пространственной, временной, причинно-следственной и т.д.) в качестве основания переноса. Различной может быть и продуктивность отдельных моделей метонимических переносов, если речь идет об особенностях осуществления метонимических переносов в различных языках. Совокупность всех этих факторов детерминирует своеобразие языковой картины мира, которая находит отражение и в значениях, возникших в результате метонимических переносов.

Метафора является еще одним типом семантических изменений, которые приводят к появлению вторичных значений. Суть данного типа изменений состоит в переносе наименований того или иного явления на другое явление на основе их сходства «вследствие общности различных признаков: формы, цвета, внешнего вида, положения в пространстве, вызываемого ощущения, впечатления, оценки и т. д.», а также «вследствие их функциональной общности» [10, с. 54]. В сфере адъективной лексики отмечается перенос наименований различных физических признаков (*температуры, размера, вкуса, света и т. д.*) для наименования интеллектуальных характеристик, оценки эмоционального состояния и других рациональных признаков (напр., *warm, dry, sharp*), а также т. н. синестезические переносы, когда наименование одного типа чувственно воспринимаемых признаков используется для обозначения другого типа чувственно воспринимаемых признаков (напр., *sharp wine/smell/voice*). Она основывается на *сходстве* вещей, связана с *познавательной деятельностью* человека, в ее основе лежит сопоставление (по меньшей мере) двух явлений и установление каких-то общих для них признаков, на основе которых возможен перенос имени (наименования). Метафора, как и метонимия, участвует в создании концептуальной модели мира носителями данного

языка. Метафорические переносы характеризуются гораздо большим своеобразием, нежели своеобразие метонимических значений. Семантические изменения, помимо обеспечения преемственности и постоянства лексического состава, приводят к созданию вторичных значений и позволяют лингвистическому знаку иметь в структуре своего значения несколько ЛСВ. В речи (тексте) в результате метафорических и метонимических переносов первичные (прямые) значения производных (синтаксических дериватов) развивают вторичные значения.

На синхронном срезе отношения между значениями многозначного слова проявляются на основе оппозиции «основное – второстепенное» значения, в которой отражается неравноправное положение значений в семантической структуре многозначного слова, а также их различная степень зависимости от контекста. Суть этого отношения заключается в том, что основные значения контекстуально свободны и никоим образом не обусловлены контекстом, частные, наоборот, контекстуально обусловлены и требуют определенных синтагматических условий для своей реализации. В этом случае роль лингвистического контекста, т. е. непосредственного окружения слова в процессе его речевого функционирования, многократно возрастает, ибо он (контекст) выступает как способ (средство) разграничения значений, что особенно наглядно отражается в лексикографическом описании, когда он выступает «универсальным методическим приемом» дифференциации значений многозначного слова [10, с. 61]. У слова есть более или менее постоянные значения, которые детерминированы областью его референции и поэтому относительно стабильны и постоянны, потому что в противном случае осуществление коммуникации оказалось бы невозможным. В семантической структуре слова выделяется ядро, которое в известных пределах (под влиянием контекста) способно варьироваться, а контекст, речевое использование единицы, таким образом, позволяет многозначному слову наиболее полно раскрыть свою семантику, весь набор ЛСВ.

Характерной особенностью полисемии абстрактных существительных является практическое отсутствие у них метафорических производных значений по сравнению с конкретными существительными. Но там, где многозначность отмечается, она оказывается присущей только таким существительным, которые могут подвергаться счету, т. е. обладают категорией числа, а поэтому не в полной мере могут рассматриваться как абстрактные существительные. Метафорические значения могут обнаруживаться у существительных, образованных от прилагательных и обозначающих те или иные свойства: ability: 1. capacity or power to sth physical or mental; 2a. cleverness; intelligence; 2b. talent; weakness: 1. state of being weak; 2. defect or default, esp. in a person's character; 3. special or foolish liking for sth/sb; resistance: 1. (action of) using force to oppose sth/sb; 2. influence or force that hinders or stops sth; 3. power to remain undamaged or unaffected (or only slightly so) by sth; 4. (measure of the) property of not conducting heat or electricity; 5. desire to oppose sth; antagonism; 6. secret organization resisting the authorities esp. in a conquered or an enemy-occupied country [15].

Абстрактные существительные обозначают не материальные предметы, а идеальные объекты, конструкты мысли, которые не вызывают тактильных ощущений. Эти объекты мысли, идеальные «предметы» только благодаря своему категориальному семантическому компоненту, только в сознании человека выступают как носители признаков. По характеру же вещественного значения они близки к свойствам, качествам, т. е. обозначают качества, свойства, признаки, которые в языке репрезентируются классом адекативной лексики. Этот особый дематериализованный характер референта и затрудняет переносы названий, которые могут иметь место между носителями признаков при метафоризации. Отсутствие метафорических значений в сфере отвлеченных существительных делает картину их семантических структур более однообразной по сравнению со смысловой структурой конкретных слов [3, с. 12].

Значение полисемантического слова представляет собой сложный объект, в котором иерархически соединяются различного рода семантические компоненты, между которыми устанавливаются внутренние связи. Все эти связи и отношения способствуют формированию общего значения многозначной семантемы. Производные значения в структуре абстрактных имен существительных тесно связаны с основными значениями ядерными семами, отличаясь от них единичными периферийными компонентами смысла. Идея общего значения слов с подобной смысловой структурой может быть выражена «как единое смысловое целое по совокупности лексико-семантических вариантов слова» [4, с. 217].

При транспонировании адъективной основы в класс субстантивной лексики, которая реализуется в серии суффиксальных производных, образуется подкласс признаковой лексики в сфере имени существительного, конститuentы которого в грамматическом отношении приобретают общекатегориальное и категориальные значения результативной части речи. Такой перевод лексемы из одного лексико-грамматического класса в другой, который сопровождается изменением функции вследствие изменения категориальной семантики, но при сохранении логико-предметного содержания (вещественной семантики), получил название синтаксической деривации. Возникнув как синтаксический транспозит, признаковое существительное сохраняет ту же семантическую, номинативную функцию, что и адъективная основа, поэтому составители словарей либо не указывают значения транспозита, либо сопровождают синтаксические дериваты пометой «и прочие», которая следует непосредственно за отмеченной ядерной семой [13].

Производные значения абстрактных существительных характеризуются теми же типами связи, что наблюдаются в соотносительных семемах конкретных слов, но отличаются характером контактов: переносы метонимического характера определяются особенностями семантики основных отвлеченных значений, но их разновидности не столь разнообразны, как у конкретных существительных, так как некоторые виды метонимий (напр. пространственные) невозможны у слов, обозначающих явления, не имеющие формы и не занимающие определенного места в пространстве. Производные значения абстрактных существительных возникают как следствие фактов, событий, состояний, информация о которых содержится в основном значении, напр., производные значения слов *mobility*: 1. the ability to move easily from one place, social class, or job to another; 2. the ability to move or travel around easily [14]. Эти производные значений известны как значения контактирующего типа, и они квалифицируются как предпосылка или следствие явлений, выражаемых основными значениями.

Наличие значений метонимического переноса в структуре значений обусловлено тем, что значения этого рода связаны друг с другом причинно-следственными отношениями; причем эти связи в сфере абстрактных имеют более тесный характер, чем у существительных конкретных, напр. *probability*: 1. how likely sth is to happen; 2. a thing that is likely to happen; 3. (mathematics) a ratio showing the chances that a particular thing will happen; *desk*: 1. a piece of furniture like a table, usually with drawers in it, that you sit at to read, write, work, etc.; 2. a place where you can get information or be served at an airport, a hotel, etc.; 3. an office at a newspaper, television company, etc. that deals with a particular subject [14]. Производные значения абстрактных существительных определяются спецификой основного значения, ведь абстрактные слова соотносятся не с самостоятельными реалиями объективной действительности, а со свойствами, признаками реалий. Обозначаемые отвлеченными словами свойства характеризуют описываемые предметы в каком-то одном плане, поэтому в составе компонентов смысла абстрактных слов созданием фиксируются отдельные семы, напр. *sensibility*: 1. the ability to understand other people's feelings; 2. the ability to understand art, music and literature and to express yourself through them; 3. a tendency to be easily offended or upset by sth; 4. the fact of needing to be

treated very carefully because it may offend or upset people; 5. (technical) the quality of reacting quickly or more than usual to sth; 6. the ability to measure very small changes [14].

Анализ системных значений, передаваемых отадъективными существительными, способствует изучению первичных и вторичных значений частей речи. Если при знаковое значение наблюдается и у прилагательного, и у отадъективного существительного (у последних необязательно, но всегда в связи с соответствующим прилагательным), то это свидетельствует о первичности указанного значения для прилагательного, а также о том, что иерархически эти значения подчинены более общему значению атрибутивности (признаковости). Взаимодействие частей речи может рассматриваться как одна из разновидностей отношения, связывающего различные части речи и способы их образования. Сами части предстают как классы слов, посредством которых осуществляется номинация, категоризация и концептуализация явлений окружающего внешнего и внутреннего мира.

Лингвистический материал показывает, что языковые формы могут быть связаны с рядом означаемых и вследствие этого оказываются способными выражать несколько значений. Такая семантическая неоднозначность «обеспечивает экономность и обозримость языкового кода», а также «его гибкость и способность обслуживать все коммуникативные потребности в обозначении многообразия познанного человеком мира» [10, с. 48].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вердиева, З.Н. Семантические поля в современном английском языке [Текст] / З. Н. Вердиева. – М. : Высшая школа, 1986. – С. 11–39.
2. Виноградов, В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1972.
3. Гарипова, Н.Д. К сопоставительной характеристике смысловой структуры многозначных абстрактных существительных в русском языке [Текст] / Н. Д. Гарипова // Исследования по семантике. – Уфа, 1975. – Вып. 1.
4. Звегинцев, В.А. Семасиология [Текст] / В.А. Звегинцев. – М., 1957. – С. 217.
5. Карашук, П.М. Словообразование английского языка [Текст] / П.М. Карашук. – М. : Высш. школа, 1977. – 303 с.
6. Кубрякова, Е.С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) [Текст] : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Кубрякова Елена Самойловна. – М., 1971.
7. Кубрякова, Е. С. Словообразование [Текст] / Е.С. Кубрякова // Общее языкознание. – М., 1972.
8. Лещева, Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте [Текст] / Л.М. Лещева. – Минск : МГЛУ, 1996. – 247 с.
9. Степанова, М.Д. Аспекты синхронного словообразования [Текст] / М.Д. Степанова // 1973. – ИЯШ. – № 3.
10. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка [Текст] / З.А. Харитончик. – Минск : Высш. шк., 1982. – 229 с.
11. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н.М. Шанский. – М. : Просвещение, 1968.
12. Англо-русский словарь / под ред. В.К. Мюллера. – М. : Русский язык, 1978. – 842 с.
13. Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна и д-ра филол. наук, проф. Э.М. Медниковой. – 6-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – 1 т. (А – F) – 832 с.; 2 т. (G – Q) – 832 с.; 3 т. (R – Z) – 832 с.;

14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby. – 7-th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1780 p.

15. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary / ed. by J. Crowther. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1995. – 1060 p.

Rakhuba V.I. Semantic structure of adjectival nominals

The article investigates one of the Noun subclasses – predicative nouns which are formed as syntactic derivatives and which in their primary function are characterized by nominative meaning similar to that of the corresponding adjective. When used in a special contextual surrounding a syntactic derivative is similar to a lexical derivative. Such complication of the derived word semantics leads to the formation of a polysemantic unit.

Матэрыял паступіў у рэдкалегію 16.06.2008